

ПОРТРЕТ ПИСАТЕЛЯ НА ФОНЕ САДА

135-летний юбилей **Антон Павловича Чехова** отмечался негромко. Главным образом в чеховских местах — Таганроге, Ялте... ЮНЕСКО, однако, сочло необходимым весь нынешний год посвящать памяти русского писателя, значение которого для мировой литературы и для формирования русского национального сознания, в особенности, далеко еще не полностью понято и оценено.

Тема природы всегда занимала одно из важнейших мест в творчестве Чехова. А образ сада, как показывает автор публикуемой статьи, является сюжетобразующим центром чеховского мировоззрения.

«Вишневы сад» — последняя пьеса Антона Павловича Чехова. Премьера спектакля состоялась в Московском Художественном театре 17 января 1904 года, в день рождения автора. В антракте после третьего действия чествовали юбиляра — отмечали 25-летие его творческой деятельности. Полгода спустя, в ночь с 14 на 15 июля (по новому стилю) 1904 года, Антона Павловича не стало.

Вспоминая о январской премьере, К. С. Станиславский писал: «Сам спектакль имел лишь средний успех, и мы осуждали себя за то, что не сумели с первого же раза показать наиболее важное, прекрасное и ценное в пьесе».

Должны были пройти годы, десятилетия, чтобы люди смогли по-настоящему оценить все «важное, прекрасное и ценное» не только в творчестве писателя, который, шутя, ставил себя на 686-е место в литературе, но и всю прекрасную и подвижническую жизнь гения.

— Ты знаешь, что Чехов — гений? — спросил меня как-то раз С. Ф. Бондарчук. Он уже работал над проектом постановки «Вишневого сада», много читал Чехова, размышлял над мизансценами, идейным содержанием будущего фильма.

— Да, — односложно ответил я, не очень понимая, к

чему Бондарчук клонит. Он иногда задавал вопросы, ответы на которые могли быть либо предельно лаконичными, либо необъятно пространными.

— Во-о-т! — пропел Сергей Федорович. — И все знают. А почему — гений, никто не скажет. И Толстой — гений, и Чайковский — гений, и Шекспир. Разные, а гении... Да потому что в своих произведениях они показали, куда идти, как жить, в чем смысл жизни. Не гении они — пророки!

Наверное, в каком-то смысле Сергей Федорович был прав. Многие современники не понимали Чехова. Ибо давно известно, нет пророка в собственном Отечестве. Когда Чехов входил в литературу, в моде были другие писатели. Даже после «Шестрых рассказов», «Степи», «Иванова» мало кто из современников сумел открыть в чеховском творчестве литературу высокой пробы. Может быть, только Лев Толстой, к тому времени общепризнанный авторитет, ставил молодого писателя вровень с собой. Толстой — один из немногих, кто увидел в произведениях Чехова и его общественной деятельности «деятельную добродетель».

А «Вишневы сад» — пьеса совершенная во всех отношениях, глубоко трагичная, но отнесенная автором к жанру комедии, — это своего рода художественное завещание автора потомкам. Смеясь, ироничный Чехов расставался с социальной утопией.

Он пришел в литературу в эпоху «безвременья», когда после убийства в марте 1881 года Александра II началось гонение на критику социальных и политических устоев общества. Чехов в полной мере испытал на себе и пережил безыдейную «хмуру» и «сумеречность» этой полосы российской истории и, опе-

режая время, может быть, сам того не осознавая, работал на будущее.

Когда его современники совершали в науке, в материальной сфере прорыв в глубины микро- и макрокосмоса, Чехов в духовной сфере, на молекулярном уровне открывал неизведанные до него глубины человеческой психики. Если, скажем, Д. Н. Менделеев открыл периодический закон, Н. И. Лобачевский изложил основные принципы неевклидовой геометрии, А. С. Попов встал на пороге открытия радиосвязи, К. Э. Циолковский возмечтал о полетах за пределы Земли, то Чехов не только внес в литературу представление о новой поэтике, но и заложил основы театральной драматургии грядущего XX века.

Чеховская печаль, мимо которой не прошел ни один исследователь его творчества, происходит не от «хмури» и безыдейности времени. Ее истоки в той пропасти, разрыве между уходящим вперед индустриальным прогрессом и несовершенством личности, что, может быть, как ничто другое, волновало и тревожило Чехова. Как человек, как личность, как художник он на уровне интуиции, может быть, подсознания, своим творчеством, делами, поступками подсказывал нам, читателям и потомкам, как этот разрыв сократить, чем смягчить его пагубные последствия для общества.

Только делом. Деятельной добродетелью.

Чехов — уездный лекарь и попечитель библиотек, организатор больниц и основатель училищ — всю свою жизнь был деятельно активен в озеленении земли, закладке садов. Мальчишкой, гимназистом он высадил в Таганроге виноградник. В Мелихове заложил вишневы сад почти на тысячу корней,

а голые участки земли засеял семенами лиственных и хвойных деревьев. В Ялте до сих пор растут кипарисы, посаженные писателем. Он раздавал семена родственникам и друзьям, а в письмах признавался, что, если бы не литература, он мог бы стать садовником.

В «Черном монахе», одном из лучших рассказов Чехова, садовод Песоцкий так рассуждает о своем саде: «Это не сад, а целое учреждение, имеющее высокую государственную важность, потому что это, так сказать, ступень в новую эру русского хозяйства и русской промышленности». Вот так, не больше и не меньше. Продолжая разговор Песоцкий говорит далее: «А когда я умру, кто будет смотреть? Кто будет работать? Садовник? Работники? Да? Так вот, что я тебе скажу, друг любезный: первый враг в нашем деле не заяц, не хрущ и не мороз, а чужой человек».

Самая сокровенная мысль Песоцкого состоит в том, чтобы выдать дочь замуж за человека близкого, умного, способного не дать саду погибнуть, а из внука своего, когда он родится, сделать садовода.

Хрестоматийный монолог Астрова из «Дяди Вани» о лесе. Не случайно Астров у Чехова — врач, лечащий тело, а значит, и душу. Каким сожалением, какой скорбью наполнены его слова: «Русские леса трещат под топором, гибнут миллиарды деревьев, исчезают безвозвратно чудные пейзажи, и все оттого, что у ленивого человека не хватает смысла нагнуть и поднять с земли топливо...». И как искренно, одухотворенно и в то же время программно звучит монолог далее: «...когда я проложу мимо крестьянских десов, которые я спас от порубки, или когда я слышу, как шумит мой молодой

лес, посаженный моими руками, я сознаю, что климат немножечко и в моей власти и что если через тысячу лет человек будет счастлив, то в этом немножко буду виноват и я. Когда я сажаю березку и потом вижу, как она зеленеет и качается от ветра, душа моя наполняется гордостью...». Видя ироничный взгляд Войничского, безразличия Елены Андреевны, Астров выпивает поднесенную рюмку водки и, обозвав свои же рассуждения чудачеством, уходит с Соней.

В «Вишневом саде» чеховская печаль звучит трагедийно. Драматург и сам начинает сомневаться в возможности исправления нравов, в способности общества противостоять разрушительному натиску капитализации жизни.

Ермолай Алексеевич Лопахин, битый, малограмотный Ермолай, который зимой босиком бегал, с малых лет выросший в имении Раневской, прекрасней которого не знал ничего на свете, не один год встречавший по весне цветение вишневого сада, купил его на аукционе, чтобы хватить топором, видеть, как упадут деревья, а потом построить дач и начать новую жизнь.

«Какова-то будет эта жизнь?» — еще в «Степи», размышляя о Егорушкином будущем, спрашивал Чехов. Если в повести, написанной в 1888 году, Чехов показал купца Варламова, с обозом которого ехал в город Егорушка, тогдашнего «нового русского», человеком энергичным, деятельным, от зари до зари носившимся по степи (тоже символ), то в «Вишневом саде» «новый русский» Лопахин уже тот самый чужой человек. Лопахиним под топор пущен не просто сад. Разрушается символ связи поколений, красоты, жизни, которую закладывали, завещали предки, надеясь, что и через сто—двести лет потомки будут помнить, как они пробили дорогу, поминать добрым словом, благодарить.

Выходит, зря они жили, а

труды их были напрасны? Не мог садовод Чехов согласиться с этим, хотя и видел мерзость и безысходную тупость прежних времен. В гибели сада он видел катастрофу всей жизни. А так не может, не должно быть. Не потому ли и жанр «Вишневого сада» Чехов обозначил комедией, что не верит в затею Лопахина на погибели сада — построить новую жизнь? Помыслы Лопахина утопичны, ибо замешаны на алчности, слепой вере в силу денег. А все это — зло, не могущее быть созидательным.

Потому Чехов на собственные сбережения построил в Таганроге библиотеку и закупил для нее книги. В Москве хлопотал об устройстве клиники. Строил школы для крестьянских детей.

«Если каждый человек на куске земли своей сделал бы все, что он может, как прекрасна была бы земля наша», — однажды сказал он М. Горькому. А в своей книжке записал: «Мусульманин для спасения души копает колодезь. Хорошо, если бы каждый из нас оставлял после себя школу, колодезь или что-нибудь вроде, чтобы жизнь не проходила, не уходила в вечность бесследно».

Анатолий ВЫСТОРОБЕЦ,
кандидат искусствоведения.